БИБЛИОТЕКА САТИРЫ И ЮМОРА

ЕВГ. ВЕНСКИЙ

ОПИУМ

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Государственная
ракт. школа-типография
ени тов. Алексеева
нград. Красная ул., 1
ичество 15.000 экз.—2
Главлит № 51601

1926

БОГОСПАСАЕМЫЕ

> В с. Палицах (Спас-Клепиковского у.) вол. ячейкой организован культпросвет, в который вошли: брат батюшки, попадья, два местных дьячка, поповна и четверо детей дьяков.
>
> (Из газет).

Тарасовна и Степаныч, придя в культпросвет, растроганно сказали:

— Умиление!

— Райское житие!

Перед яркими иконами теплилась лампадка. По стенам цветистостью восхищали душу картинки из жизни святых. От двери к столу протянулся разноцветный половичок.

За стеной шла спевка хора, навевая благоговейно грустное настроение. Семь человек крестьян слушали вокруг „молний" чтение псалтыря дьячком. Библиотекарша — поповна сидела у шкафа вместе с ритором Васильекесарийским. Ритор меланхолично тренькал на гитаре, а она элегически подмурлыкивала:

> ... О не страшись меня, младая дева...
> Не разбужу твоих прекрасных снов...

Старики покрестились, поклонились во все четыре стороны и мелкими шажками подсыпались к шкафу. Нежная пара кончила романс и зажмурила глазки при фальцетном рефрене:

> Не естеством разгульного напева
> Тиха и песнь, когда чиста любовь...

— Садитесь, православные, садитесь... Вон уже читают — ласково сказала поповна.

Сел Степаныч, села Тарасовна к мягкой лампе в уголке, подперли руками щеки и заслезились. А дьячек и пел, и плакал, и переливался на разные голоса:

— Помилуй мя, боже, по великой милости твоей и по множеству щедрот твоих очисти беззакония моя...

И опять мурлыкала гитара, плакал под сурдинку контральтик, и мягко доносилось пение хора из-за стены.

Пришли из вол. ячейки. Поздоровались. Расселись у шкафа.

— По делу. Пишут вот... Работу ин-тен-си-фи-ци-ро-вать...

Поповна и ритор приподняли брови:

— Работа идет. Сами видите.

— Так-то, так, но... Вот газет у нас нет, журналов не имеется. И библиотека вот тово...

— Несозвучно эпохе! — загнул Тимофей Мырин. — Что у вас тут?

— Как что? Масса книг. Библия, евангелие, псалтырь, октоих, Четьи-минеи, „Священная история“ Агафодора, „Догматическое богословие“ проф. Барсова, „Гомилетика“ Арфоксадова... Шикарная библиотека!

— А насчет марксизма, как вы полагаете, а?..

— Господи Иисусе!.. Да сколько угодно!

Поповна полезла под стол и начала выбрасывать книги.

— Все издание Маркса. Полное собрание Горбунова, Лескова, Станюковича, Шеллера-Михайлова, Гончарова. Исключительно созвучно эпохе!

— И „Нива“ была, только растаскали. Тоже — Маркса издание... — заметил ритор.

— Пардон, „Ниву“ растаскали, а выкройки для выпиливания и вышивки по канве — масса листов есть, только без переплета.

— Журналов вот нет. Нехорошо. Как же без журналов? Вот и в инструкции говорится.

— И журналы есть. Вот „Родина“, вот „Миссионерское Обозрение“ за 1884 г. А вон в самом низу „Епархиальные ведомости“ за целых пять лет. В переплете.

— А вот, самое главное, ничего революционного не имеется.

— Есть, товарищ Мырин. Зачем напрасно говорить? Вот „Вся власть Учредительному Собранию", издание социалистов-революционеров... Вот „Революция и Народ" — сочинение гражданина Пуришкевича. Да много тут...

— Так и напишем в докладе. Вообще из уезда напрасно придираются. Делать им там нечего, они и ляскают.

— Бумага пришла, опять же, — сообщил Тимофей Полдевятов, — требуют устроить лекцию по сельскому хозяйству. Давайте обсудим.

— Папаша по этому поводу делал предложение... — деловито сказала поповна, — он предлагает устроить сельско-хозяйственный субботник. Пускай все село уберет наше поле и свезет на гумно, а мы после этого сделаем музыкально-вокальный вечер: папаша всенощную отслужит... А к ночи займемся физкультурой: танцы до утра...

— А остальное — в складчину, — многозначительно добавил ритор.

Ячейка разом встала и захлебнулась от восторга:

— Эт-т-то идея... Да ежели это организованно провести, да отчет в газете отпечатать, да тогда весь уезд от зависти с ума слезет. Примерный культпросвет...

Хор из-за стены рявкнул уверенно-подтверждающе:

— Аминь!

СЕМО И ОВАМО

— Пожалуйте, товарищ Кошкин, милости прошу к нашему шалашу. Вот сюда, пожалуйста, на диванчик-с. Кулебячки-с прошу. Замечательная сегодня кулебяка сработана. И этой вот зелененькой прошу для аппетита. Сам не потребляю, как сочувствую советской власти, но для здоровья дома всегда держу-с. Даже не привержен и по причине революции и нового быта, чтобы по матушке и насчет питейного.

— Вы не удивляйтесь, товарищ Кошкин, что у нас так патриархально, можно сказать. Видимость одна, и больше ничего. Икон, например, огромное множество, но надо знать, для чего и на какой мотивировке-с. Только для агитации и пропаганды-с, ей-богу. Смотрят наши детки и поучаются, сколь оно нелепо, — и ясно, что атеистами произрастут для славы и пользы советской России.

— Я вам по душе признаюсь, товарищ Кошкин. Вот болтают, будто сокращение и будто и меня тоже за компанию, якобы бюрократ я, волокит и с замашками. А инициативы будто не могу фиксировать. Хе-хе-хе, какое гибельное заблуждение! Да я за новый быт и революцию родному отцу глотку перерву и хоронить не позволю, не только что, не говоря уж про мать, родная которая...

— Прошу пригубить, товарищ Кошкин. Бог видит, как боретесь, крови и здоровья не жалея. А относительно нового быта осмелюсь доложить, что такого ярого приверженца вряд ли и по всему городу, ей-богу... Я сам всем пример, видит бог...

— Изволите видеть, товарищ Кошкин, — послал мне господь пару близнецов. Оба близнецы, извините-с. Ну, супруга, конечно, человек погрязший — трактор религии и танк старого завета. И потому пришлось младенцев оных крестить... во храме пресвятыя богородицы... по церковным канонам и догматам. Один — Мишка, а другой — Гришка. Но одновременно с сим сам лично сходил в ЗАГС и дал наименование по новому быту-с. Первого назвал в честь нашего вождя революции З и н о в ь е в а — Григорием, а второго в честь нашего старосты всероссийского товарища К а л и н и н а — Михаилом. Вот-с как.

— Да-с... Я был бы в Риме Брут, в Афинах Периклес, но не горжусь, а токмо скорблю. Стараюсь, чтобы как по-новому, а они „сокращение"... „сокращение"...

— Мало сего. У сестры своей Акилины Савватьевны, что за замзавом Пыльтреста обретается в замужестве седьмой год, вчера сына крестил по-новому. Сама сестра назвала его по-церковному в память деда нашего жандармского полковника — Иегудиилом Петунниковым, но я отверг. Не позволил. Крестить крести, но и меня пусти. И на своем настоял, и младенца Иегудиила в ЗАКС сносил и переименовал. Да-с... В честь святителя Мирликий... тьфу в честь его император... виноват... наименовал в честь нашего уважаемого товарища Бухарина — Николаем-с, его же память празднуется 8 декемврия по старому стилю, а по новому — 19-го...

— Вот-с как. А они жужжат: — „сокращение"... „сокращение"... „сокращение"... Ну так и сокращай, которые по-старому живут и нового ничего не желают, а не таких же.. Еще прошу, товарищ Кошкин, вот этой зелененькой... Знаменитая вещь-с...

— Так как вы теперь, товарищ Кошкин, наш уважаемый красный директор, как вы полагаете по этому поводу: полагается мне теперь сокращение, или брех один без соответствия... Очень кулебяки я вас попрошу: знаменитая сегодня кулебяка...

ИКОНОМИКА

(Подлинное происшествие в затоне „Памяти Парижской Коммуны“, на Волге).

Затон весь на ногах: бабы, старухи, молодежь, ребята...

— Почему народ?

— Насчет икон приказ пришел.

— Каких икон?

— Которые в материальном складе со всех пароходов сложены.

— Ну?

— Приказ пришел из госпароходства: „усе иконы распродать на предмет нужд госпароходства“. Вон и объявление.

— Очень это приятно. У меня маловато. Надоть присмотреть.

* * *

— Товарищи и граждане! Просю слушать без несознательности. Изживем неорганизованность,— и приступим к делу.

— Продаются с торгов иконы различных угодников и прочих вышеизложенных святых,— кто дороже, по причине имеющейся нужды у госпароходства, которые есть опиум народа и вообще никому вещи ненужные.

— Чисто тебе губернский аблакат!..

— Тише, анафемы. Тут иконы, а вы мативируете...

— Икона матери божией-троеручицы, еже помогает родити, аршин вверх и с боков поменьше,— очень симпатично нарисована и дешевле рыночной цены на 50%. Кто дороже,— 20 коп.?

— 25 даю, батюшка.

— А еще кто?

— За троеручицу тридцать можно.

— Раз, два, два с половиной, три! Бери, Терентьев, троеручицу,— твое счастье! Апостол Павел с ключами в руках, первая пропаганда опиума в Риме и его окрестностях, 15 копеек! Кто дороже?

— 20.

— 25.

— Еще кто? Раз, два, три. Получай, тетка Степанида. Тише дьяволы. Вот Георгий-победоносец. Едет на змию, держит в ручках копию, колет змия в непоказанное место, за 40 коп., в виду, как народный герой. Кто дороже?

— Полтинник!

— Бери! Варвара-лапшенница и Федор-тирон, еже помогает отыскать вора,— тридцать.

— Давай сюда! Полтинник!

— Шесть гривен! У меня телку украли...

— Николай-угодник, от всех болезней, первый заступник рода христианского. Арию по морде заехал по причине убеждения за антирелигиозную пропаганду, как памятник первой дискуссии насчет церковного обновления,— 3 рубля по себестоимости!

— Три с полтиной.

— Четыре.

— Пять...

— Раз, два, три. Берите, Софрон Капитоныч, ваш Николай! Тише! Параскева-пятница, помогающая от женского сладострастия в постные дни за пять рублей...

* * *

— Здорово! Вот-то нам госпароходство спасибо скажет.

— А что?

— Все до одной продали. То-есть, даже завалящей не осталось.

— Ловко! Теперь на красную доску запишут: — „такого-то захвоста, как ероя трудя, записать“...

— А зато сколь я крови пролил! Вспомнил вчера, что одну икону из склада в клуб брали на спектакль. Я к ним: — „Подай народное достояние на бочку". Они искать... А ихний художник, сукин сын, увзял эту икону и к ней приделал очки и трубку вставил. Я ему в ухо. Он — мне. Он за мильтоном. Я — ходу. Смотал.

— Неужто?

— За пять рублей!

* * *

— Караул! Православные! Что же это? Мошенничество!..

— Что ты, Митревна? Пожар, что ли?

— Глядите, православные: купила с укциону рождество Христово, а он в очках и в роте трубка с дымом!

— С трубкой?.. Это, милые, пропаганда! Ты иди, Митревна, и деньги обратно стребывай. Какое же это — рождество, если в очках и с трубкой. Иди, иди милая.

— И пойду! Я ему, захвосту, очки поправлю!

* * *

— Товарищи! Это неорганизованность и полное свинство. Ежели рождество Христово — народное достояние, то никак не полагается ему очки и трубка. Для вас, сукины дети, смех, а госпароходству убыток. Пять рублей мимо пальцев проскочило! Обратно отдал...

* * *

— Ну вот. А ты говорила, Тарасовна. — советская власть!..

— Да я ничего...

— То-то ничего... Было у нас шесть икон, а теперь гляди, по бедности, все 12 завели... Благолепие...

— Да, это уж что говорить... Не будут ли еще лампадки с укцивону продавать, нам бы дюжинку.

— Благолепие!

РЯСА

Решили ставить пьесу „Поп Иван". Сочинение хотя и Софьи Белой, но шесть ролей мужских, пять женотдельских. Распределили роли, обсудили характер главного героя, начали чай пить.

А во время чаю вспомнили:

— Монашками одеться не хитро,— черная юбка да черный платок, а где вот поповский гардероб взять?

— Если на хозрасчете сделать, так можно — предложил режиссер.— То-есть пальто... простое пальто, а поверх платенцем подпоясаться... вместо пояса...

— Балаган будет... Что уж...

— Я так не согласна,— заявила героиня.— Я стараюсь, роли на зубок, хлопочу, ночей не сплю, а вы будете балаган устраивать.

— Да, это не модель... — согласились все.

— Айда к попу Гавриле — предложил Николай Спиридонов,— пускай даст свой лапсердак.

— Идея! — сказал Степан Спичкин.

— Айда делегацией! — загорелся Филипп Маратов.

Напились чаю и пошли.

Поп Гаврила тоже пил чай, когда в калитку забарабанило десять рук. Накинул на рубашку подрясник и вышел на крыльцо.

— Здрасте, отец.

— Здрасте! Чего вам? Откуда такие?

— Комсомольцы мы. По делу.

— Что за дело?

— Из клуба „Юный Коммунар". Рясу нам надо.

— Рясу?.. мою?

— Вашу.

— Гм! Очень приятно. А ежели я милицейского побеспокою?

— Да мы не даром.

— Гммм! Не даром? Так-с! Одначе не понимаю. На какой предмет вам требуется сие одеяние?

— „Попа Ивана“ ставим, так что же, по-вашему, во фраке его, что ли, играть?

— Гммм! В „Юном Коммунаре“ говорите?

— В нем.

— В каковый день?

— В воскресенье.

— Так, так... Рясу, значит? Три целковых, чада мои, потому прозодежда, яко глаголется. — Три целковых гоните об это место и берите рясу.

Пошептались. Соображали, что-то выкладывали на пальцах, посчитали и согласились.

— Извольте. Давайте рясу.

Поп Гаврила немедленно подрясник снял, деньги получил и внимательно сосчитал.

— Правильно. Идите с господом. Только после игралища немедленно обратно, ибо не буржуй есмь и лишних гардеробов не имею.

— Вернем. Не бойся.

Николай Спиридонов шел в клуб от попа в рясе и спрынцовке. Публика дивилась, а бабы подперев рукой щеку, плевались.

* * *

Спектакль сошел на ять. Хлопали без конца, вызывали актеров без счету.

Товарищ „УРС“ в местном органе напечатал хвалебную рецензию, причем упомянул и о рясе попа-героя.

— „Тов. Спиридонов, игравший роль „попа Ивана“, был выше похвал... Ряса пришлась по фигуре так, как будто была на него сшита по заказу духовным портным. Моментами хотелось подойти к нему и позвать на панихиду. Очень заразительно

смеялась игуменья Марфа, чего совсем нельзя сказать о декорации второго акта"...

Три дня все клубники ходили по городишку, задрав носы кверху и презирая все остальное человечество.

И решили поставить „Попа Ивана" еще раз.

И снова забарабанили в калитку попа Гаврилы. Отец опять пил чай, но на стук вышел немедленно. Увидев комсомольцев, сделал ехидную гримасу и встал на крыльцо во весь рост.

— Здрассте!

— Здрассте!.. Ну?

— Насчет рясы.

— Пять.

— Жирно будет. Она и новая-то пяти не стоит.

— Купите. Посмотрю, как купите.

— Да для одного-то разу?

— Пять нешто можно? Эксплоатация!..

— А это вам собака?

Отец вытащил из кармана „Красное Знамя" и щелкнул пальцем по обведенной синим карандашем рецензии тов. „УРСА".

— Видали! Чего там!

— Видеть мало, соображать надо. После сицей рецензии оную рясу может взять для сценического представления даже Московский Государственный Художественный Театр для американских и иных заграничных местностей, идеже ныне гастролирует. Да-с..

— Много пять! — упорно сказал Николай Спиридонов.— Художественный и сто дать может, он государственный, а мы на хозрасчете...

— Эксплоатация предметом первой необходимости,— подтвердил самый ученый из делегации Степан Спичкин.

— Ну, тогда четыре,— согласился поп Гаврила.

Немного подумали, заплатили деньги и взяли рясу.

Когда Николай Спиридонов шел по городу в этом подряснике, уже смотрели с почтением и комментировали:

— Замечательный актер будет. Мейерхольду очков тридцать даст, если тот захочет. А рясу носит, словно в ней родился.

* * *

После спектакля пили чай. Актеры и артистки, замученные овациями, качаньем и игрой, сидели в трепете и цыганском поту.

Пил чай в сторонке и гроза всего артистического мира города тов. „УРС", похожий на испанского гранда: с острой бородкой и в пенснэ.

Он уже писал что-то в блокноте и ехидно щурился. Артисты искоса посматривали в его сторону и, не будь все сплошь безбожниками, наверное, читали бы „Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его"...

Не спали всю ночь. Не спали и другую.

— Что-то там он напишет... Пес ведь.

Ни свет, ни заря сошлись все около газетчикова киоска и стали ждать. Пришла газета. Купили семь номеров и впились в рецензию.

— Хорошо! вздохнули все разом.— Вот так пишет! И все правильно... Молодчинище.

„УРС" отдал всем должное. Кого обругал, кого похвалил и дал совет:

„Надо еще несколько раз поставить эту прекрасную, действительно революционную вещь"...

И два раза упомянул о рясе.

„Ряса, в которой играл тов. Спиридонов, достойна всякой похвалы. Не иначе, что в ней ходил раньше глава живой церкви епископ Антонин".

Через три дня в Комсомол заявился собственной персоной поп Гаврила и забарабанил в дверь клуба. Высунулось несколько лохматых фигур и прыснули.

— Здрассте!

— Здрассте!

— По какому случаю?

Поп Гаврила положил на стул узел в черном платке, развязал его и кратко молвил:

— Ряса!

— Али в деньгах нужда? Еще не подсчитывали. Ничего не выйдет.

— Без денег. Жертвую.

Отец свертывал платок аккуратно и прятал его в карман.

— Даром?

— Даром.

Молчанье длилось ровно три минуты. Затем поп Гаврила объяснился:

— Оба раза присутствовал на представлении, где принимало деятельное участие сие одеяние, мне принадлежащее. Исходя из собственных соображений, а равно руководствуясь аттенцией товарища „УРСА“, знаменитого местного писателя, нахожу, что могу обойтись и одной люстриновой, а оную жертвую вам. Сице. А за сим мое почтение. И будьте любезны: на представление билетиком не обессудьте. Прощевайте.

— На весь сезон пришлем. Вот так спасибо.

Все расскрыли рты и почему-то замерли. А отец надел соломенную шляпу по самые уши и вышел.

* * *

В тот вечер чай пили с пирожным и даже распили в шестером одну бутылку пива:

— За здоровье долгогривого попа Гаврилы и рясы его!..

ПЕРВЫЙ БЛИН

I

Член драмкружка Полдевятов лежал в помещении команды, лежал с вдохновенным лицом и упивался своим могуществом. Более смелые или совсем отпетые деловито, по-журавлиному, подходили к герою дня и искусственно-равнодушно, но трепещущим фальцетом задавали вопрос:

— А что, товарищ Полдевятов, можно, примерно, ежели, будучи, вроде как пригладить захвоста, как вон, даве говорили, будто, насчет крупы недовес?..

— Я подумаю... — отвечал деловито Полдевятов: — вы думаете, мне что завхоз! Тоже!.. Тьфу! У меня инструкция. Главное быт. А на завхоза я с полным презрением, безо всякой видимости.

— Болтают, будто вам, тов. Полдевятов, мандат собственноручный выдан, али занапрасну ляскают?

Полдевятов небрежно цедил сквозь зубы, еле сдерживая распиравшие его чувства.

— Нам без мандата нельзя. Примерно — шеф. Проистекает, скажем, парад. На параде — народный губисполком, командующий военным округом и я. Почему я?.. А вот извольте — мандат. И больше ничего. Нам без мандата нельзя ни одной минутки.

Он комиссарственно-величаво доставал запкнижку и выбрасывал из нее мандат, выданный газетой „Краснопропадинская

Правда“ рабкору т. Полдевятову за солидной печатью редакции и тремя подписями, из коих одна была начертана красными чернилами.

В этот момент самые отпетые храбрецы начинали по-заячьи трепетать, отчего мандат, в их руках ходил ходуном, молча отдавали его обратно и, преисполненные благоговения, отходили, давая доступ к рабкору другим паломникам.

II

Ужинать Полдевятов не пошел. Его распирали самые фантастические грезы, наполеоновские волшебные замыслы и практические грезы. Было совсем не до супа, в коем неуверенно плавало 2 — 3 таракана, и совсем не до каши, которая бесспорно была много хуже той, что подавалась при посещении их шефом и исполкомами.

Полдевятов отметил в сердце своем и суп и кашу и сверкнул во тьму каюты глазами.

— Будьте покойны, товарищ завхоз. И за кашу и за суп. Не прежнее время, чтобы тараканами шамать. Будя!..

Тем не менее, новый рабкор презрительно улыбнулся своим думам.

— Я доберусь! Суп — дело маленькое. Мне на суп плевать с высокого, но зеленого тополя. Я, брат, все насквозь вижу. От меня, брат, не скроешься. Буржуазная закваска, идеология царизма и марксистское непонимание задач современного быта, направленное против. Я брат, все инструкцией прежучу. У меня — мандат.

III

По случаю воскресенья Полдевятов весь день писал в уголке клуба корреспонденции, а вечером пошел в околоток и сообщил по секрету своему закадычному другу, фельдшеру, о написанном.

Эскулап проникся важностью момента и надел шапку, хотя сидел в жарко топленной каморке.

— Читай, кого протащил. Я, брат, в этом деле — во. Не утаю. Правду-матку на стол и скальпелем. Жарь!

— Ну, вот. Первая — „Наследие старого режима. На прошлой неделе наш руквод литературным кружком т. Тружеников сидел на диване в клубе, закрытом расписанием занятий, с дочерью служителя опиума — псалмодера Лизочкой, которая регистраторша в Коммунхозе. Она хихикала, а он говорил, совершенно бессознательно прижимая руку к сердцу: — „клянусь богом". Тот же тов. Труженников издавна происходит из нетрудового элемента, кончивши два городских училища, а наши пожарники ходили и слушали, как он просвещал их относительно аннулированного бога. Подтянитесь, тов. Труженников. Будьте сознательным.

Рабкор Пол — в".

— Здорово! Заммечательно!.. — взвизгнул фельдшер и от ража ударил об пол шапкой. — Читай дальше. То-есть, ты прямо Вересаев: „Записки врача!"

— Вот вторая. Гм. К-ха. „Остатки крепостничества. В то время, как трудящиеся всех стран с замерзшим сердцем взирают на реакцию в Берлине, Мексике, Болгарии и Испании, не говоря уж про Ирландию и Индию, наша библиотекарша гр. Сикорская тянет в сторону. Некоторые товарищи просят у ней что-нибудь почитать, а не прокурить, революционного из полного собрания Неверова, а она совершенно бессознательно с подвохом выдает сочинения Островского для пропаганды капитализма. Пора вспомнить, гражданка Сикорская, что это недопустимо.

Рабкор Пол — в".

— Ну?.. Как эта?

— Замммечательно! — задохнулся от восторга фельдшер. — Теперь она завертится. Так ей и надо. Ну дальше шпарь. Эх, и талантище же ты, брррат!

— Еще одна. Вот: „Подкоп под рабочую власть. В воскресенье наш брандмейстер гр. Сутковой октябрил своего

урожденного ребенка и назвал его в честь якобы тов. Ярославского — Емельяном, чтобы подыграться к новому строю. На самделе дедушка урожденного был тоже Емельян, и он назвал в память дедушки, а вовсе не тов. Ярославского. Так как настояла его совершенно несознательная жена. Красные пожарники, не поддавайтесь напору фашистских сотен и высоко держите знамя ликбезграмотности.

Рабкор Пол — в".

— Ну? Как? А?..

— Э! — сказал фельдшер. — Тут, брат, завинчено. Высшая политика. Это, брат, и до центра дойдет. За это, брат, по головке его не погладят. Сумятица начнется. И как это ты пронюхал. Голллова!

— Рабкор, брат, должен все знать, — скромно опустил веки к носу Полдевятов: — нам, брат, надо все знать... Мы всегда на посту. Пост такой...

Умиленный, растроганный, осчастливленный высоким гостем фельдшер занялся приготовлением чая для дорогого приятеля, а рабкор гордо смотрел на двор на играющую с фокстерьером брандмейстера дворнягу сторожа и о чем-то серьезном и высоком думал.

IV

В четверг пришла газета. Все бросились к номеру и впились в него сотней глаз. Заметок Полдевятова не было, но в „Почтовом ящике" находился ответ:

„Тов. Полдевятову. Глупости пишете, товарищ. Читайте внимательно газету и учитесь, смотрите, что пишут другие. Не тратьте даром времени и бумаги на ваши пустяки".

Весь клуб покатился от хохоту. А самый отпетый, тов. Чапанкин, запел, как настоящий протодьякон, „вечную память" товарищу Полдевятову и помахал над ним ремнем, яко кадилом...

Рабкор почувствовал озноб, головокружение и сердцебиение. Перед глазами пошли зеленые, синие и серо-буро-малиновые с крапинками круги.

Он пошел в околоток. Фельдшер иронически осмотрел больного приятеля, ткнул пальцем в живот и поставил суровый диагноз:

Глупостями занимаетесь, товарищ. А потом шляетесь лечиться. Учиться надо, внимательно читать газету... Да-с! А то глупости пишете, а потом лечиться. Примите вот касторки и ступайте спать. Пи-са-те-ли!

Полдевятов подавился касторкой и совершенно бессознательно выругался на четыре этажа.

ТЕПЛЫЕ РЕБЯТА

Человек в обхмыстанном теленке и ржавой кепке прислушался, пожевал губами и прошел в ворота.

— К кому прешься? — рявкнула ему в шиворот парусиновая прозодежда.

— Я, товарищ, рабкор из местного газетного органа.

— Рабкор? Ето на манер как из попов, что ли?

— Рабкор — это, товарищ... Я в газете пишу.

— В газете? Знаю! „Прымается подписка". А тебе тут чего?

— С кем мне тут поговорить? Кто у вас тут делегат?

— Делегат есть, только он сейчас дрыхнет.

— Ну, а кто у вас еще есть, так сказать, самый сознательный, самый развитой?

— Мишку спросите. Очень развитой. Хучь узлом завяжи, — разовьется.

— Ну, вот... мне бы его.

— Вот он сюда прется... Только у ево чичас на чердаке престол... Апосля вчерашнего... Мишка, тебе звут.

— Дрясти.

— Здравствуйте, товарищ. Я — рабкор из местного газетного органа и желал бы узнать о жизни вашей мастерской.

— Есть... Все есть. И мастерская и жизнь. Общежитие.

— Как культурная работа? Ведется?

— Ведется... Культурная... Четыре с боку — ваших нет.

— Газеты выписываете?

— Три месяца выписывали, а теперь нет. Ни к чему.

— Какую газету?

— „Пищевик“ и еще какую-то. Большую. На пятьсот собачьих ножек хватает.

— Газеты сообща читали?

— Сначала мы их не читали. Они лежали у делегата. А надысь видим, много бумаги накопилось, потребовали.

— Ну!

— Разделили. Теперь свою бумагу курим, а то покупали. Оно и накладно.

— Вот как! Оригинально!

— Очень даже неоригинально. Что бумага печатная, что белая, — разница. Хотим письмо писать, чтобы газету посылали без грамоты, — пущай чистую бумагу посылают.

— А как политграмота?

— Я и говорю, что вся мастерская грамоту палит, а от ее в грудях стеснение. Коли ежели махорку, то отшибает, а полукрупку — ни в рот ногой.

— Так-с... Может, спортом занимаетесь?

— Занимаемся.

— Кружки есть?

— Не. Больше одним кружком сидим.

— Гимнастика, что ли?

— Разное... В козыри, в козла, в подкидного...

— Хорошо организовались?

— Сознательно. С рыла по монете, — и колоду купили. В три листика начали заниматься, да делегату по вкусу не пришлось.

— Почему?

— Очень просто... Занимались это кружком ночью, а он и подкрадись. Ему тоже сдали.

— Ну!

— Ну и налетел на 16 рублей.

— Очень хорошо. Еще чего просветительного нет ли? Словесность, например?

— Есть. Словесность у нас едовитая. Как учнут поливать, ястреба на лету падают, машина останавливается и даже мастер

в обморок падает со всех своих четырех ног. У нас, мил человек, в общежитии ни один человек не выдерживает. А ежели баба подойдет, то от словесности моментально вверх ногами встает...

— Так... так...

Рабкор в теленке постоял еще с минуту и пошел обратно: А сзади него, словно улей, гудела мастерская, и из общего гомона вырывались отдельные:

— Встань до сдачи! Рюпь в банку!

— Мать-пымать, за отца замуж отдать!

— Расшибу!

— Караул! Режут!

— Ставлю сапоги на-кон!

— Двойка, в три господи-бога!..

* * *

Рабкор посмотрел по сторонам, сел на тумбу и записал в обмусоленный блок-нот:

„Несознательная колбасная Пищетреста № 17".

Задумался, посусолил карандашом и положил орудия производства в карман.

— Организованно живут дьяволы.. И булавки не подточишь!..

В МЕДВЕЖЬЕМ УГЛУ

Митревна услыхала залихватскую музыку со двора заводского культпросвета и подползла к щелке.

— Хоронют кого, аль обзаконивают, сосватамши?

Три минуты она не могла ничего понять, потом вдруг закрестилась и быстрым лётом сиганула по проулку. С жареными семячками сидела у тумбы Кондратовна.

— Пришли, милая. Своими глазами видела. Один важный такой, веселый, так и стелется. И отец дьякон Сафроний там и управляющий там... Встречают милая... С палетами, при сабле, усищи — во!

Кондратовна хлопнула глазами, отвечала:

— Я ж тебе, алмазная, говорила. И видение было и знамения, — подхватила корзину и помчалась направо, а Митревна помчалась налево.

К щелке подошел комсомолец Дудкин и купеческий сын Штопоров.

— Почему музыка, Штопоров?

— Мильтоны даве у Кабанихи аппарат реквизнули и боченок перваку. Наверно, с радости режутся.

— Гляди, гляди...

Штопоров побледнел, а Дудкин позеленел.

— Скорее, Тишка, прячь документы и звезду в сапог и шпарь к нам в сарай. Тебя первым делом в расход пустят. А я спрячу.

Дудкин переложил бумагу из правого кармана в левый, сунул кепку со звездой в голенище и тяжело задышал:

— А как же наши-то? Побегу звонить. Соберемся ватагой и налетим.

Оба помчались куда-то.

В Исполкоме тов. Фрадкин прыгал у телефона.

— Кто говорит? Предзавкома? Какая банда? С погонами? На дворе? Сидоренко! Летом! На когтях!

К заводу бежали шесть чонов. Из милиции торопились тяжелые мильтоны, прожевывая кашу. У каланчи начальник угрозыска собирал „своих" и что-то разъяснял.

Забор облепили мальчишки, бабы, лавочники, мужики с базара. А входы и выходы хитрым манером уже занимали чоны, милиция, комса и гарниза, состоящая из 8-ми человек.

У сарайчика на сваленных бревнах заводский оркестр шпарил во все тяжкие „Барыню". Товарищ Фидельман истово махал палочкой, а перед оркестром на площадке сгрудилась толпа шибко неожиданных лиц: две дамы в шляпах, три студента со шпагами, дьякон, какой-то старичок, мальчишка... А посредине отплясывал с нарядной барышней молодой полковник в гусарском мундире с золотыми погонами, с длинной саблей и звенящими шпорами на сверкающих сапогах.

Компания апплодировала, хохотала, вскрикивала, а больше всех старался дьякон. Подобрав рясу, он семенил за танцующей парой, бил каблуком землю и тряс в блаженстве кудлатой головой.

— Белые город заняли! — сказал кто-то из зрителей.

— Дождались наконец-то, господи-батюшка! — умилились шопотом рядом.

— А чьи это мамзели на распояску совсем изощряются?

— Таперича насчет налогу облегчение выйдет.

— Но почему никакой канонады нет и орудием не фуцкинируют?

На двор вышел начальник милиции тов. Гузик, держа руку на кобуре. Вдоль забора пробежала тревога: — И как это люди вовсе страху не боятся?

— У них сроду такие способности с материнским молоком матери.

— Собственноручно — один — и ничего!

Тов. Гузик подошел вплотную к танцорам и отодвинул в сторону студента.

— По какому праву погоны и оружие? Что есть за человек?

Полковник глянул на него через губу и топнул каблуками.

— А ты что? Катись колбаской! Танцовать желаю.

— Я те потанцую! Кто ты есть такой за человек?

— Брысь! Не путайся!

— Прошу не фиксировать невежества и немедленно сдать оружие! Ты — бандит!

— Я тебе за бандита докажу документальные данные! Инструкции не знаешь!

Полковник сделал еще фантастическое па, остановился, предложил своей визави честь и мир, и сатанински-величаво ткнул себя пальцем в ордена.

— Я тебе не Кабаниха: ты меня не реквизнешь... Товарищи, для чего мы страдали на всех фронтах, чтобы Митька Гузик нас игнорировал при исполнении обязанностей.

Митька Гузик отступил на три шага в полном изумлении.

— Ты меня не можешь оскорблять, бело-бандитская рожа! Даешь оружие!

Полковник застыл от негодования.

— Товарищ Гузик, запомни на своем носу: брось дух царизма, а оружие — наша собственность по хозрасчету. По официальной форме будьте столь и давайте ваш ордер на предмет превышения рабоче-крестьянской власти.

Вперед вылез кудлатый дьякон. Густо кашлянул и заржал октавой.

— Не имеешь ты полного права мешаться. А насчет самогону — ах оставьте! Вы куда Кабанихин затор девали? 48 ведер? а?

— Не твое дело, куда затор девали, аллилуйя поганая! Молчать!

— Триста лет молчали! Будя! На законном основании! А то можно и в ер-ка-ка обжаловать.

Полковник демонстративно повернулся на одной ноге, отчего шпоры прозвенели малиновками, поднял с земли штатское пальто и накинул себе на плечи.

— Товарищ Фидельман, марш за мной! А тебе я признаю.

Оркестр грянул какой-то марш и пошел в помещение за важно выступавшим полковником. Вслед потянулись дьякон, дамочка, студенты, старичок и несколько зрителей, махнувших через забор.

Товарищ Гузик, многообещающе махая руками, направился за толпой.

Прошло томительных несколько минут. Внутри громыхал марш. Но вот из двери вышел товарищ Гузик, сердитый, красный, махнул рукой всем вооруженным силам, блокировавшим выходы, а сам направился в амбулаторию Здравотдела. У окна появилась его фигура и послышался голос у телефона.

— Не могу ликвидировать, тов. Фрадкин. Они репетируют „Дни нашей жизни" сочинение Леонида Андреева под музыку, а в особенности который полковник, то он никак не желает. Он офицера играет, говорит, что дозволено к представлению и желает домой итти по всем улицам, как полковник будто. Сам он фабзавком, а дьякон, который помощник директора, с ним заодно.

Толпа разочарованно плюнула и пошла врассыпную по домам.

Через полчаса из ворот вышла подозрительная кучка во главе с полковником и дьяконом. Товарищ Гузик бросил свой пост у амбулатории и бросился ей наперерез.

К его носу с обоих боков протянулось два солидных кукиша.

— Видал-миндал? Съешь!

— Айда к нам пиво пить!

Товарищ Гузик хотел зыкнуть, но оглянулся кругом, никого не увидел и пошел в середине между полковником и дьяконом.

На высокую трубу завода осторожно села красномордая луна.

ТРИ ШТАФЕТЫ

I. „В деревню Вырыпаевку“

По подлежащей причине нижеподписавшегося сим извещаю, как ваше драгоценное и все ли благополучно? В смысле дискуссии по поводу считаю в равной мере с наступающим, так как новый стиль досконально не прививается. Чего и вам желаю. А мамаше посылаем фотографическую личность. Сымались в самой лучшей, в бюст, кабинетным портретом поперек. Негативы хранятся в любую погоду, пущай смотрит и проливает слезы радости материнского чувства. Во первых строках моего письма все обстоит благополучно. Богоданная супруга наша, а по материой женской линии ваша уважающая сноха с наступающим и желаем от господа-бога. Торгует семянками на Зацепе, и бога гневить нельзя. В отрывном календаре пропечатано, в Париже семянки клюют только попугаи, которые разговаривают на всех возможных языках по человечьи, но у нас наоборот, — которые до того занимаются, что и говорить разучились. Три пуда в день берем, а в двунадесятые семь и бога гневить нечего. Чего и вам желаем. И еще кланяемсь... А я по-старому...

Ваш незаменимый сын

Трифон и Секлетея Кобыленкин.

II. „В село Сенькино“

Брательнику нашему единоутробному по гроб жизни. И еще кланяемся... и по подлежащей причине сим извещаем, как изволите поживать и в смысле сельхозяйственного инвентаря ожере-

билась ли, про которую писали. По сему случаю посылаю анфас из лучшей фотографии. Портретного размера для кабинета поперек. Сделайте интеллигентное лицо и будьте добры не дышать пять минут. Негативы сохраняются в каждую погоду. И желаем от господа-бога в делах всяких рук ваших. Владыкой мира будет труд. И больше по посудным делам не занимаемся по причине ножниц. И семянки тоже ликвидировали исходя, что рыба ищет, где глубже. И хлопот меньше. Хлеб, конечно, не ножницы, а первач ходит по блудням полтора целковых бутылка, не говоря уже про праздники и октябрины. И на книжке уж имеется. И бога гневить нечего, чего и вам желаем.

Ваш брательник Трифон и Секлетея
Кобыленкин.

III. „В гор. Онегу"

... и осталась я без тебя, сирота горькая, без отца, без матери, без голубка сердешного. Взгляну я у своего изголовья, смытого слезами горести и разлуки сырой земли с милым другом и дело из рук валится. Нигде милого не вижу, ни в деревне, ни в селе, только вижу - я милого на патрете. Говорят, что у вас в Онеге очень холодно и на самогон спрос не переводится. А я, по силе возможности, стараюсь. Мука подорожала, хоша торгую не хужее. И тебе, соколик мой ясный, посылаю на культурно-просветительные предметы, для парата и посуды 19 червонцев. Милицейский Капитон догребается, будто и меня в Онегу охлопочет. Пить-есть каждому надо. А вместе-то было бы лучше. Я бы варила, а ты торговал.

Твоя осиротелая голубка с разбитым
сердцем Секлетея Кобыленкина.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр
Богоспасаемые	3
Семо и Овамо	6
Икономика	8
Ряса	11
Первый блин	16
Теплые ребята	21
В медвежьем углу	24
Три штафеты	28